

Простишь - не простишь

Автор:

Валери Куонг

Простишь - не простишь

Валери Тонг Куонг

Если из карточного домика вытащить одну карту, все сооружение немедленно рассыплется.

Налаженная и благополучная жизнь семьи Селесты и Лино разрушилась подобно карточному домику, когда случилось несчастье - их сын Мило упал, катаясь на велосипеде, его жизнь оказалась под угрозой. И тут же на поверхность выплыли десятилетиями скрывааемые страшные семейные тайны, а главное - выяснилось, что благополучие семьи было лишь внешним. У всех - и у родителей Мило, и у его бабушки, и у тети, младшей сестры Селесты, - накопилось множество претензий и обид друг к другу.

Простить трудно. Но и жить в ненависти невозможно. Как разорвать этот порочный круг? Ответ на этот вопрос предстоит найти каждому из героев.

Валери Тонг Куонг

Простишь - не простишь

.....Эрику...

Как получить прощение, если лжешь и другой не знает, что ты виноват перед ним? Нужно хотя бы раз перед смертью сказать правду или так и умереть не

прощенным. Но уходить один на один со своими грехами и ложью... Нет одиночества безнадежней.

Альбер Камю. Дневники, III

Я всегда хотел быть негодяем, которому на все наплевать с высокой горы, но если вы не негодяй, то тут-то вы и начинаете чувствовать себя негодяем, потому что настоящие негодяи вообще ничего не чувствуют. Из чего выходит, что единственный способ не чувствовать себя негодяем – это стать им....

Если есть что-то непростительное на свете, так это неумение прощать.

Эмиль Ажар (Ромен Гари). Страхи царя Соломона[1 - Перевод Л. Лунгиной.]

Valerie Tong Cuong

PARDONNABLE, IMPARDONNABLE

Copyright © 2014 by Editions JC Lattès

Перевод с французского Е. Кожевниковой

Она обернулась к нему, улыбнулась, затем набрала в легкие побольше воздуха, торжественно приготовилась к старту. Наклонилась вперед, поставила ногу на педаль. Внимание, марш!

Нет, отбой.

– Погоди-ка, – нахмурилась она.

Слезла с седла, расправила нарядное платье в красно-белую клетку, аккуратно подвернула подол.

- Засекай время, как только я нажму на педаль, идет?

Он кивнул и впился взглядом в волшебный циферблат.

Кругом до самого горизонта – холмы, покрытые лоскутным одеялом пашен. Кукуруза вымахала выше человеческого роста, подсолнухи обуглились на солнце. Дня через три-четыре полчища тракторов жестоко их сомнут, вырвут с корнем, перемелют, истолкут стебли, взроют землю.

- Пять, четыре, три, два, один, – отчеканил Мило сурово.

Маргерит умчалась.

Он и глазом не моргнул, как она исчезла.

Неподалеку внизу чернел лесок, проселок прятался в нем, а потом выныривал вновь и петлял по холмам то на виду, то теряясь среди полей.

Мальчику не нравилось, что Маргерит не видно и не слышно. Он почувствовал себя совсем маленьким, одиноким, беззащитным в огромном застывшем безмолвном мире.

Но вот и она, красно-белое пятнышко на сером шнурке дороги.

- Две минуты сорок шесть секунд! – радостно крикнул он, как будто Маргерит могла его услышать.

Зря старался, она слишком далеко.

Вон машет ему: «Давай, Мило, съезжай, теперь твоя очередь!»

Он оседлал велосипед, небесно-голубой с белыми звездами на раме, весь напрягся, налег на руль, шепнул себе: «Вперед, приятель, еще посмотрим, кто

кого!»

Стиснув зубы, он жал на педали что есть мочи, весь взмок, а по щекам хлестал ветер, и слепило солнце. Мило не мечтал о победе, не думал побить рекорд. Его опьянила скорость. Он летел вниз по узенькому проселку вне себя от счастья, легкости, веселья. Ошалев, расхохотался во все горло за секунду до катастрофы...

Внезапно мир разлетелся на куски.

День гнева

Селеста

Сыну грозила беда, а я не сумела его спасти...

Тупо сидела между Лино и матушкой в тесной душной комнате с противными красно-коричневыми обоями и слушала нотариуса. Тот разливался соловьем: подписывая дарственную, мадам проявляет щедрость, великодушие, бескорыстие, но, быть может, поступает неосмотрительно; его долг предупредить ее, удержать от преждевременного опрометчивого шага, ведь последствия необратимы; у мадам еще вся жизнь впереди, так что не стоит лишаться собственности, во всем себя ограничивать; впрочем, если вы приняли решение окончательно и бесповоротно, если вы уверены, что...

От уверенности не осталось и следа. Меня будто на казнь вели, я обреченно уставилась на ручку, которую вот-вот протянет мне нотариус, чтобы и я поставила подпись. Но кому какое дело до моих опасений и угрызений? Не Лино,

уж точно, ведь я сама его с величайшим трудом убедила, что мамина дарственная – безусловное благо для нас. И не маме моей, она искренне радовалась, передавая мне все имущество. И не Маргерит. О ней и речи не шло, она вообще ничего не знала. Мама настаивала, чтобы мы держали все в строжайшей тайне. «Это мой дом и мой выбор. Ее дело – сторона. Когда придет время, я сама ей скажу».

Так и оставили Маргерит в стороне. А в результате, пока мы подписывали проклятую дарственную под присмотром усердного нотариуса в темной комнатке, задыхаясь от запаха плесени, снаружи на ярком солнце мой сын скатился по проселку вниз и замер, бездыханный, скорченный, у ног тетки...

Я узнала первая. На лестнице включила мобильный и сразу же испугалась, увидев столько пропущенных вызовов. Ухватилась за перила и замерла.

– Что случилось? – встревожился Лино. – Что-нибудь с Маргерит? С Мило?

У меня дрожали руки, я все время нажимала не то. Понимала уже, что мир рухнул.

Мы их оставили дома вместе, Мило должен был делать уроки. Когда мы с мамой и Лино дружно солгали, будто поедем покупать новую плитку для бассейна – мол, это дело долгое и муторное, – Маргерит вызвалась с ним посидеть. Я охотно согласилась.

– Но при условии, что Мило все сделает сам, а ты, Марго, не станешь ему подсказывать. Знаю я вас, хитрюги!

Хитрюги подмигнули друг другу, я сделала вид, что ничего не заметила. Их вечная верная дружба умиляла меня и радовала.

Голосовое сообщение то и дело прерывалось, трудно было его расслышать и понять. Маргерит рыдала. Значит, случилось что-то ужасное. Она твердила: «Несчастье. Несчастье. Приезжайте в больницу».

Я бы упала, если б Лино не подхватил меня. «Несчастье. Несчастье. Приезжайте в больницу», – повторяла я снова и снова. Пять, десять, двадцать раз. Муж терпеливо слушал, он и сам окаменел. Пять, десять, двадцать раз. Наконец он пришел в себя, взглянул с пониманием, вывел на палящее безжалостное солнце, усадил в машину и повез. Мама в тревоге не умолкала: «Что с ним? Он отравился? Упал с лестницы? Опрокинул на себя кастрюлю с кипятком? Его ударило током? Шершень укусил?» Лино не отвечал. Она хотела знать все в точности. Но мы и сами ничего не знали. Нужно ждать, ждать, терпеливо ждать. Мобильный Маргерит сейчас выключен, до больницы еще километров тридцать – целая вечность. Вечность, заполненная всего одним именем. Четыре буквы. Мило. Ничего больше нет в моем воспаленном, добела раскаленном, опустевшем мозгу. Страх и ярость вымели все остальное. Сердце заходило от боли. Господи, только не это, не надо опять, я не вынесу, я не готова!

Мы добрались до больницы ровно в час дня. Она находилась на самой вершине холма, возвышалась над другими домами. Пока мы ехали, я впервые заметила отвратительную черную копоть на всех фасадах. И вдруг подумала: «Воздух и здесь загрязнен, отравлен. Вредные вещества проникают повсюду, все разъедают, засоряют, портят. Ничего себе, отдых за городом! Сплошной обман. Здоровье здесь не поправишь, и покоя не дождешься».

Лино припарковался у самого входа, мама мгновенно выскочила из машины, хлопнув дверцей, а я так и осталась внутри, вжалась в сиденье и не шевелилась. Знаю-знаю, во всех фильмах, книгах, кошмарных снах герои бегут со всех ног, бесцеремонно расталкивают встречных, бросаются к первому же белому халату и требуют ответа, настойчиво, упорно, властно. Мне же хотелось забиться в угол и не вылезать до конца времен, как будто можно спрятаться от беды, сделать вид, что ее и не было!

Только не это. Не надо опять.

Мы через такое уже прошли, хватит!

– Селеста, милая, пойдем, – ласково прошептал муж. – Пойдем, мы должны узнать, что с ним.

По глазам видно, в нем боролись два побуждения: с одной стороны, он искренне хотел мне помочь, помнил о моей незаживающей ране, боялся, что мина

замедленного действия взорвется, с другой – стремился к сыну, чтобы встретить опасность лицом к лицу, оценить, насколько она велика, и найти способ преодолеть ее, побороть. Лино – человек решительный, деятельный.

Я с трудом заставила себя выползти наружу. Мама сейчас же подошла, взяла меня за руку, принялась успокаивать.

– Тише-тише, все обойдется, вот увидишь, – уверяла она. – Сегодня такой знаменательный день! С Мило не может случиться ничего плохого. Твоя сестра вечно сеет панику, делает из мухи слона. Ты напрасно волнуешься. Сейчас окажется, что он просто вывихнул запястье или упал и рассек себе бровь.

Я немного приободрилась. В самом деле, прошлой зимой Маргерит напугала нас не на шутку, сообщив, будто у нее рак мозга. Она вправду страдала мигренями, однако никакой опухоли врачи не обнаружили – повышенное внутричерепное давление, только и всего. Тут с мамой трудно не согласиться: рассказами о неизлечимой болезни Марго добилась всеобщего внимания и заодно выклянчила у Лино квартиру на седьмом этаже. Двадцать квадратных метров, две отдельные комнаты. Муж привык там уединяться и отдал ее скрепя сердце. Но разве откажешь смертельно больной свояченице, которую вышвырнула на улицу вздорная злая хозяйка?!

Никогда не забуду, как Лино с тяжелым вздохом протянул мне ключи. Пожертвовал собой ради меня, распrostился с любимым убежищем, где мог прятаться хоть всю ночь напролет. Из любви ко мне он способен на что угодно! И ни слова упрека. Вот так же безропотно всегда терпел моих назойливых мать и сестру. При мысли о его безграничной преданности я чуть не заплакала. Какое счастье, что мы с ним встретились! Мне исключительно повезло.

В холле нас ждала Маргерит. Высокая, стройная, она резко выделялась в толпе пациентов, посетителей, медсестер. Ее нельзя не заметить. Эффектное платье в красно-белую клетку, густые кудри, изящные тонкие руки – не чета моим налитым, полным. Марго напоминала яркую испуганную бабочку, невестку как залетевшую сюда. Заметив меня, подбежала, причитая и всхлипывая:

– Мне так жаль, мне так жаль... Селеста, прости...

Затем принялась сбивчиво объяснять: «Мило упал с велосипеда... А тут пожарные... Они его отвезли в больницу. У него голова разбита. Он без сознания. В коме».

В коме! Вот тебе и ложная тревога, вывих запястья, рассеченная бровь!

От боли у меня внутри все как будто растрескалось. Хотелось выть, орать, очнуться, нет, наоборот, забыться. Но в горле ком, ни звука не выдавишь, не выдохнешь, не вздохнешь. То мучительная ясность, то полнейший туман. Мама, вне себя от горя, ругала Марго на чем свет стоит: «Дура! Дрянь! Идиотка! От тебя одни беды!» Лино крепко схватил меня за руку. И мы понеслись что есть духу по каким-то коридорам, поднялись на лифте. Еще коридор, пол скошен, площадка, снова лифт, едем вверх, вновь спускаемся вниз и опять наверх. В висках стучит. В ушах отдается скрежет, скрип инвалидных колясок и каталок. В глазах рябит от линючих пластмассовых стульев и увядших цветов. Встречные смущенно отводят взгляд. Указатели сбивают с толку.

Вот, наконец, большие застекленные двери. К нам вышла женщина в широкой длинной бирюзовой блузе. К груди она прижимала папку, словно хотела заслониться ею от злой вести, которую нам несла. Старалась говорить как можно ласковее, но такт и участие не меняли сути, смысла сказанного. Позади нее, совсем рядом, за дверями, в зеленоватом боксе неподвижно лежал мой сын. Ему сделали операцию, вскрыли черепную коробку, однако он по-прежнему находился в коме.

– Мадам, мсье, спешу вас заверить, что Мило не страдает. Врачи утверждают это с полной ответственностью. Он подключен к аппаратам жизнеобеспечения, мы пристально следим за его состоянием.

За малых детей нас держат. Сказки рассказывают: «Спешу вас заверить, что Мило не страдает». Но обмана я не заметила, мне было не до того. Ужас вымораживал: неужели его у меня отнимут, вырвут из рук?! Не заставляйте меня еще раз понапрасну надеяться, мечтать, заботиться, ухаживать, лелеять, чтобы потом остаться ни с чем! Уважаемые врачи, понимаете ли вы, что сил никаких не осталось, все вышли? Я больше так не могу, я взорвусь, все разрушу и себя не пожалею...

Нет, где уж вам понять!

Тогда задам простой вопрос:

- Доктор, он не жилец?

- Ну что вы! Мило непременно очнется!

Утром сын спустился на кухню раньше обычного, заспанный, растрепанный, полуголый, в одних пижамных штанах, из которых явно вырос. Неужели предчувствовал катастрофу и спешил насладиться каждым мгновением из последних, ему отпущенных? На ходу небрежно клюнул меня в щеку. Как только ему исполнилось двенадцать, он решил, что вышел из детства, и стал стыдиться «телячьих нежностей», хотя мучительно нуждался в ласке, скрывая отвращение, пил черный кофе вместо шоколада – словом, старался вести себя как настоящий мужчина.

Он уставился в тарелку, уплетал тосты, пил сок и не замечал, что я им любуюсь. Подростковые прыщи еще не изуродовали гладкую, золотистую от загара кожу. Округлые щеки, впалый живот, темная родинка сзади на шее у кромки коротко подстриженных волос. Вдруг сын взглянул на меня:

- Уверена, что мне не стоит поехать с вами? Я плаваю в бассейне чаще всех, а ты вообще к нему не подходишь, не купаешься, даже позагорать не хочешь!

Я и вправду всегда находила массу уважительных причин, чтобы не надевать купальник. Мол, мне нужно обед приготовить, постиранное развесить, розы подрезать, съездить в соседний городок за покупками. Я готова на что угодно, лишь бы никто не увидел мою бледную бугорчатую кожу, толстые ноги, отвислые груди и, главное, ненавистный жирный живот в складках, виновника и пособника прошлого несчастья. Джинсы хоть как-то стягивают его и маскируют. Мне не было равных в уловках, хитростях и вранье. Опытная притворщица, я как ни в чем не бывало смотрела, как Маргерит танцующей легкой походкой ведет Мило к бассейну. Прыгая в воду, они не догадывались, что окатывают меня ледяными колючими брызгами, заставляя мучительно им завидовать и сожалеть о прошлом.

– Нет, Мило, тебе лучше остаться. Мы будем часами считать, выбирать... Пока составим смету, пока договоримся о доставке, ты умрешь со скуки. К тому же кто мне вчера обещал, что повторит английский с тетей?

Сын не стал со мной спорить. Он вообще редко вступал в пререкания, настаивал на своем. Мило унаследовал от меня стремление жить в согласии со всеми вокруг. Ему удавалось мгновенно помирить Маргерит и бабушку, стоило им повздорить. Посмотрит ласково на обеих, пошутит, отвлечет – и готово, мир в семье восстановлен! Все его обожали...

Что станет с нами без тебя, мой ненаглядный?

– Можете на минутку его увидеть, – позволила врач. – Но предупреждаю: затем вам придется уйти. Мы должны провести еще ряд исследований.

Она строго оглядела нас и прибавила:

– Пущу к нему только родителей.

– Ладно, идите, – со вздохом кивнула мама, хотя запрет ее раздосадовал. – Я вас здесь подожду, никуда не денусь.

Маргерит стояла в стороне, прислонившись к стене у самой лестницы. Ее губы беззвучно шевелились. Она пыталась что-то сказать, но кому? На мгновение мне передалась ее нестерпимая душевная боль. Будто мне своей мало!

– Я задыхаюсь, мне нехорошо, – честно сказала я Лино. – Не могу смотреть, как мой мальчик лежит, опутанный трубками, без сознания. Маленький мой. Сыночек. Этого я не вынесу. Я не справлюсь. Хлопнусь в обморок. С ума сойду.

– Сможешь! Просто не имеешь права струсить, сбежать. Будешь сильной, раз он нуждается в нашей силе, поддержке, вере. Он еще жив, черт подери! Рано сдаваться, Селеста!

И откуда муж черпает силы, мужество, уверенность? Разве у нас не общее прошлое? Разве его не преследуют призраки?

Нет-нет, пятнадцать лет назад ты не был таким стойким. Мир рухнул, и мы оба скатились в зловонную трясику отчаяния. Мы топили, а не поддерживали друг друга.

Ты вынырнул первый, не спорю.

Но какой ценой! И в каком жалком виде...

Нам велели тщательно вымыть руки, надеть халаты, бирюзовые шапочки, бахилы. В странной амуниции мы превратились в двух растерянных пришельцев, инопланетян, бредущих в кошмарном сне по бесконечному коридору, полному неприятных звуков. Аппаратура вибрировала, попискивала, гудела. Несчастные больные хрипели и стонали. Мы видели их распростертые тела, но сами они пребывали где-то далеко-далеко, покинутые, одинокие. Внезапно я увидела Мило, любимого моего, родненького. Крошечный, неподвижный, глазки закрыты, белая повязка на голове, пластырь во всю щеку. Запутался в капельницах-проводах, как мотылек в липкой паутине. Я бросилась к нему, сжала драгоценные холодные вялые пальчики, принялась его звать истошно: «Мило, вернись!» Внутри закипала лютая злоба на дрянную безжалостную судьбу.

– Тише, тише, мадам, осторожнее! – Врач взяла меня за плечо.

Напрасно беспокоилась. Я сама перестала кричать. Последние силы ушли, резкий свет меня добил, внутри все ухнуло вниз, лавина сползла, обвал.

Мило, сыночек, вернись!

Нет, не то.

Помоги, спаси меня, Лино!

Лино

Когда мы подходили к боксу, Селеста повисла у меня на руке и жалобно заглянула в глаза. Полнейший упадок духа и сил – это я понял сразу. В ее взгляде читался немой вопрос: «Ты-то как справляешься, откуда столько энергии?»

Ярость, холодная, мощная, отрезвляющая ярость поддерживала меня и питала.

Больше всего я злился на себя. Именно мне не хватило ума (или мужества? или мудрости?) прислушаться к собственному внутреннему голосу. Отчего человек так нелепо устроен? Ведь знаешь наперед, что это ловушка, и все равно туда лезешь. Сотни раз так бывало. Чувствуешь всем существом, что принятое решение не доведет тебя до добра, однако не смеешь его оспорить. Чуешь, что подарок с подвохом, но безропотно его берешь. Не слушаешься, хоть тебя предупреждали, тебя останавливали: «Не подходи к телефону! Не садись сегодня за руль! Не общайся с этим типом! Не подписывай договор!»

Отчего человек так нелепо устроен? Почему мы себе не доверяем?

Если бы я запретил Селесте принять проклятую дарственную, как мне подсказывала интуиция, Мило был бы дома с нами, гонял бы мяч в саду, следил за полетом ласточек... По всей деревне разносился бы его звонкий смех. Он выгонял ящериц из расщелин в старой каменной ограде. Размахивал флажками, разучивал знаки железнодорожников. Недавно у них с Маргерит появилась такая придурь. Видели бы вы, как они стояли по разные стороны двора, такие важные, грудь колесом, флажок вверх, флажок вниз...

На беду, Жанна в который раз сумела убедить Селесту, одержала решающую победу в нашей с ней негласной войне. В самом деле, гениальный план! Возможность раз и навсегда укрепить свои позиции. Отныне перевес на ее стороне, незыблемо, непоправимо. Их с дочерью, кроме родственных уз, надежно свяжет владение недвижимостью, подаренный дом. Вместе, пока смерть не разлучит... Законное право на захват, поглощение, паразитизм. Жанна и прежде требовала, чтобы мы что-то красили, нанимали садовника. А уж теперь, в качестве благодетельницы, переложит на наши плечи тяжкий груз налогов и остальных расходов целиком и полностью. Причем при первой же возможности напомнит, что лишилась на старости лет последнего средства к существованию, но без тени сомнения это сделала из героической жертвенной любви к родному дитятку. Дуплет! С одного удара – два шара в лузе: Жанна – самоотверженная мать, Селеста – неблагодарная дочь.

Я пытался предостеречь жену: «Долгие годы угрызений совести из-за того, что мама любит тебя больше сестры, а теперь ты вдруг соглашаешься стать единоличной владелицей вашего общего дома, где логика?!» Не помогло...

Я никогда не любил этот дом. Мне не нашлось в нем места. Окрестности хороши: тишина, простор, перелески, пронизанные косыми лучами солнца. И железная дорога поблизости ничуть не раздражала. Иногда мы слышали успокаивающий мерный стук колес. А вот к дому я нежности не испытывал, хоть и приезжал сюда двадцать лет подряд. Он всегда казался мне хитро устроенной западней, в которой мучились все, кроме Жанны и Селесты. Ну, еще для Мило делалось какое-никакое исключение. При условии безропотного неукоснительного соблюдения «правил внутреннего распорядка», которые висели на самом видном месте, на буфете в гостиной.

Зачастую сын вел себя идеально, постоянно радовал маму, да и бабушку тоже. Но иногда он смутно ощущал, что равновесие нарушено, и, чтобы восстановить справедливость, протягивал мне руку помощи, пытался наивно бунтовать против бабушкиной тирании. Поддерживал меня, хотя расстановка сил была ему ясна уже давно. Мило удивительно чутко улавливал знаки пренебрежения, которые любой другой сторонний наблюдатель попросту бы не заметил. К примеру, Жанна выбрасывала утреннюю газету раньше, чем я успевал ее прочесть. Готовила обед, «забывая», что я ем, а что нет. Нарочно дарила мне на день рождения какую-то ерунду. Она старалась меня незаметно уязвить, но страдал в результате не я, а мой деликатный впечатлительный мальчик, чувствительный сверх всякой меры.

Мы с сыном знали: в бабушкином доме я – незванный гость.

Наш постоянный конфликт не на шутку огорчал Мило. Сын упорно пытался разгадать, в чем тут дело, и не мог. Ребенку не понять, из-за чего ссорятся взрослые. В какой-то момент он предположил, что бабушка вообще недолюбливает мужчин. И забеспокоился еще больше, ведь он и сам вскоре станет мужчиной...

Такой отзывчивый, такой ранимый! У меня сердце ныло, кровь стыла в жилах при виде всех этих аппаратов и капельниц. Голова забинтована, шейка тоненькая... Неужели чистые души отлетают чаще других?

Только в разговоре со мной Мило называл ее бабушкой. Жанна требовала, чтобы к ней обращались по имени, и не «Жанна», а «Джин». Она старалась во всем подражать Джин Сиберг[2 - Джин Сиберг (1938–1979) – американская актриса; снималась у Жан-Люка Годара и Клода Шаброля.], впрочем, ей удавалось скопировать лишь короткую стрижку, на большее не хватало ума, таланта, изящества. И не говорите, будто я злой, Жанна куда ядовитей.

Поначалу она вообще не удостоивала меня вниманием. Просто не замечала, надеясь, что любимой дочке вскоре наскучит сын сапожника. Но время шло, и Жанна через силу, с тяжким вздохом мне улыбнулась. Потом протянула вялую руку для поцелуя. Затем при встрече чмокнула мимо щеки, рассеянно глядя куда-то вдаль. Ведь стало ясно, что у нас с Селестой крепкий брак. Пришлось поневоле проявить снисходительность.

Один-единственный раз она обняла меня по-настоящему, в тот чудовищный черный день. Опять-таки, вынудили обстоятельства. Людей объединяют несчастья, а вовсе не радости.

Но нас и несчастье не сблизило. Вскоре Жанна дала понять, что жалеет только Селесту. Как будто, поразмыслив, пришла к выводу, что беда стряслась с ней одной, а меня задела слегка, по касательной. Слово мои страдания не заслуживали сочувствия.

Я свыкся с таким отношением. Все терпел, все глотал. Молчал. Был вежлив. Играл по ее правилам. Постоянные оскорбления подтачивали меня изнутри, обиды не давали уснуть. Но кому какое дело? За двадцать лет я отлично отрепетировал роль внимательного, заботливого, надежного спутника, а затем и супруга. Раз жена не в силах расстаться с мамой и сестрой, пришлось смириться и опекать и их, хотя о Маргерит разговор особый.

Отчего человек так нелепо устроен? Зачем мы все время идем на компромиссы, делаем вид, что изощренные издевательства, лицемерие и скрытая враждебность не причиняют нам боль? Зачем копим, подавляем, таим свои чувства? Ведь когда-нибудь ярость вырвется наружу и все уничтожит.

Ярость безропотного раба вымораживает, леденит. Правда в том, что прошлая беда ничему меня не научила. Я верил, что ради любви способен принять что угодно. Я люблю Селесту всем существом, поэтому добровольно отказался от собственной воли, от себя самого. Впрочем, и она, простодушная, наивная, никогда себе не принадлежала. Селеста – пешка в чужой игре, зависимая, ведомая. Она в упор не замечает интриг и злых козней собственной матушки.

Я-то должен был запомнить, что ни в коем случае нельзя сдаваться. Борись или беги, но только не сдавайся. Это я позволил Жанне верховодить, вот она и правила самовластно с самого начала и до нынешнего злополучного дня... Чертов дом! Чертова дарственная! Мое чертово малодушие!

Теперь сын в коме.

И несчастный случай тут ни при чем. Это мы его убили. Мы все.

Селеста вдруг сползла на пол: глубокий обморок. Ее будто обесточили.

– Надеюсь, вы, мсье, не выкинете нам такой же фортель? – ворчливо поинтересовалась медсестра, помогая мне поднять жену.

Нет, конечно, такой же фортель я вам не выкину, просто права не имею. Я в порядке, хотя мой мир рухнул снова, хотя мне страшно, горько, хочется выть, залиться слезами, исчезнуть, вот так же лишиться чувств. Боже мой! Как тяжело! Но мой долг – быть стойким. Один из нас обязан держаться, иначе потонут все. Мужчины не плачут, не вопят от боли, даже если им раздирают внутренности, не сходят с ума, обуздывают свое отчаяние. Хладнокровно взвешивают все за и против, приспособляются к обстоятельствам, спокойно выслушивают мнение врачей, следуют их предписаниям, принимают разумные решения.

Селеста не сразу пришла в себя. Подоспевшие санитары успели усадить ее в кресло-каталку. От слез у нее потекла тушь. Я стер черные полосы влажной салфеткой, нежно поцеловал жену в лоб, погладил по голове.

– Как вы себя чувствуете? Если мадам уже лучше, пройдемте ко мне в кабинет, нам нужно многое обсудить.

Утром я накричал на Мило. Он спустился к нам полуголый, зевая, и я сразу на него набросился:

- Ты где находишься?! Как посмел явиться к завтраку в таком виде?!

Сделал ему замечание раньше, чем Жанна. Уж она не преминет съязвить, что внук дурно воспитан, весь в папочку. Я во всем следовал ее логике, увлекся борьбой.

- Пап, ведь я на каникулах...

- Это не оправдание. Нечего распускаться!

Он закусил губу и пронизательно глянул: «Ладно, пап, о'кей! Будь образцовым зятем, порадуй бабушку. Послужу громоотводом, если тебе приспичило».

Я прямо взбесился. Это он отца родного вывел на чистую воду, подловил на подленьком желании угодить Жанне, домашнему тирану! Двадцать лет я напрасно мучился, тщетно добивался ее одобрения. И до сих пор, похоже, не потерял надежды, что когда-нибудь она все-таки примет меня в семью, признает достойным, уделит и мне хоть капельку тепла... Низко, гнусно, отвратительно! Я злился на себя, на нее, но не мог на ней отыграться. Вот и напустился опять-таки на Мило. Вечный повод для наших ссор – его занятия в школе.

- Сколько ты уже повторил?

- Пап, я ем! Может, об уроках поговорим потом?

По его мнению, я слишком требователен и строг. Малец не желал понять, что образование – путь к свободе, к независимости. Ну как ему объяснишь, что у нас с ним не лучшее происхождение? Его дед был сапожником, причем не великим мастером, как любезно напоминала мне Жанна при каждом удобном случае, а обыкновенным работягой, который стоял у конвейера на фабрике. Мои предки добывали свой хлеб в поте лица. Мозолистые руки, опухшие суставы, искалеченные пальцы. Больные легкие из-за вредных испарений на производстве. От папани вечно воняло кожами. Он едва сводил концы с

концами. Рабочий класс, грубияны-бригадиры, неотесанные невежды.

Разве я выбился бы в люди без образования? Для тебя, сынок, я подготовил совсем другую жизнь. Тебе по утрам выжимают сок из целого апельсина, ты берешь с полки и надеваешь то, что тебе нравится, покупаешь любую книгу, какая потребуется в школе, спишь до последнего, особо не утомляешься. Не нужно пить тошнотворный горький цикорий, носить, стыдясь, штаны невымытого цвета и фасона, потому что мама нашла две пары на распродаже, – самые прочные, теплые и дешевые! Не приходится подниматься ни свет ни заря, тащиться на автобусе до вокзала, потом – на электричке до города, затем – на другом автобусе до школы или до библиотеки. В любую погоду, осенью, зимой, весной и летом, при свете и в потемках едешь один, сам не свой от страха. Боишься собственной тени, скрипа своих башмаков, урчания в животе. Мелкий сопливый пацан, а кругом полно пьяниц, торчков и прочих отбросов. Уже всякого навидался и знаешь, что здесь часто умирают и вообще долго не живут. Взять хоть моего папаню, он и до пятидесяти не дотянул...

Я трудился изо всех сил, потому что попросту хотел выжить. Тебе, Мило, не нужно бороться за существование. Пока что нет такой необходимости, даст бог, ее и не будет. Поэтому ты не знаешь, что значит карабкаться вверх, обдирая колени и локти. У тебя нет стимула. Ты учишься добросовестно, но без фанатизма. Посредственно. Вот что меня доводит до белого каления. Посредственность – мой удел, не твой. Деда были быдлом, родители – рабочими, я стал частью «среднего класса», а тебе предстоит покорить вершину. Хочу, чтобы ты взлетел выше солнца. Всех превзошел, всего достиг, добился всеобщего восхищения и признания.

Твоя мама того же мнения, хоть у нее на то совсем другие причины. Ей кажется, что, поднявшись по социальной лестнице, ты окажешься в полной безопасности, и ничто дурное... Неважно. У нас за плечами разный опыт, однако мы пришли к одному и тому же выводу. Ты должен стать самым-самым, чтобы никакая возня и грызня тебя не коснулись.

Я раздраженно ответил:

– Нет, Мило. Никакого «потом». Мы с мамой поедем покупать плитку для бассейна. Кстати, ты знаешь, сколько стоит бассейн? Ты любишь плавать, верно?

Так вот, отнюдь не все могут себе позволить такую роскошь. На бассейн нужно заработать. Трудись и ты. До обеда хорошенько позанимайся. Какое у тебя расписание? Поподробней, пожалуйста.

Сын тяжело вздохнул. Он не хотел бросить мне вызов, выразить презрение. Скорее покорился неизбежности, как всякий разумный человек.

- Мы с мамой вчера обо всем договорились. Маргерит поможет мне с английским.

- И еще историю античности повторите. Твоя тетя участвовала в археологических раскопках в Италии, они тогда обнаружили древнеримскую виллу. В этом учебном году вы проходили историю античности, я не ошибся?

- Мы с ней покончили, пап, зачем она мне?

- Мило, познания нужно углублять. Тебе крупно повезло, можешь пообщаться с настоящим археологом. Грех не воспользоваться. Все, разговор окончен.

Боже, ну почему я не обнял Мило на прощание?! Неужели нельзя было хоть на минуту забыть о роли сурового отца, которого я изображаю с таким трудом? Почему я ни разу не похвалил тебя, не признался, что горжусь тобой? Ты у меня такой сообразительный, ловкий, остроумный, смелый, великодушный!

Я так часто восхищался тобой, однако не подавал виду, суровый, неумолимый, закованный в броню родительского долга. Промолчал и в тот день, когда узнал от твоего одноклассника, что некий громила, здоровенный и сильный, пытался тобой помыкать, но ты не поддался. Он набросился на тебя с кулаками, сбил с ног, а ты поднялся и вновь дерзко ему ответил, глядя прямо в глаза. Никакие синяки и ссадины не заставили тебя покориться. В конце концов забияка отстал, понял, что не на того напал.

Вместо того, чтобы тебя поздравить, воздать должное твоей отваге и мужеству, я обрушился на школьное начальство, которое смотрит на драки сквозь пальцы...

Странное у меня устройство: слова одобрения рождаются в душе, но так и не слетают с губ. Я всегда боялся тебя ослабить слишком бурными проявлениями любви и восторга.

Прихожу домой поздно, усталый после бесконечного рабочего дня, до смерти хочу обнять тебя, приласкать, но замечаю брошенную спортивную сумку и принимаюсь пилить нерадивого сына.

Вижу твои превосходные оценки за год, однако скрываю радость и прицепляюсь к единственной заниженной, которую поставил всем известный придира и зануда.

Твоя мама недовольна: «Это уж слишком! Так нельзя!»

По твоим глазам заметно, что ты разочарован, поскольку ожидал похвалы. Я и сам на себя злюсь, но по-прежнему молчу.

Мне в голову вдруг приходит ужасная мысль. Если ты сейчас умрешь, то так и не узнаешь, как я люблю тебя...

Врачи утверждают с полной ответственностью: «Мило непременно очнется».

Кабинет мне совсем не понравился. Голые стены, пустота. Пара медицинских справочников на полке, несколько шариковых ручек в пластиковом стаканчике, и больше ничего. Ни семейных фотографий в рамках, ни дипломов, ни растений с мясистыми глянцевыми листьями на подоконнике. Нет милых обыденных вещей, которые успокаивают, внушают уверенность, что судьба больного зависит от такого же человека, как мы, с нормальными заботами и радостями. Тут я с беспокойством вспомнил: по городку ползли слухи, будто больницу вскоре закроют. Значит, сейчас все бегают и хлопчут, лучшие специалисты и персонал давно пристроились куда-то еще, кто же позаботится о моем сыне?

В довершение всех бед наша лечащая оказалась блондинкой, неопытной – на взгляд, лет тридцати пяти, не больше, – с противными прыщами на лбу и очень заметным акцентом. Я не удержался и спросил, откуда она. Врач в ответ протянула мне руку и широко улыбнулась:

– Доктор Наталья Начева, очень приятно. Я приехала из Болгарии. Вас это смущает, мсье?

– Ну что вы, конечно нет, – неуверенно соврал я.

На самом деле меня смущало и напрягало решительно все. Женщина, да еще молодая, да еще иностранка, да к тому же блондинка... Страшный унылый пустой кабинет. Меня буквально затошнило от отвращения. Селеста глянула с осуждением, сделала большие глаза. Увы, в панике забываешь о вежливости: мне не было стыдно. Доктор Начева стоически сделала вид, что ничего не заметила, и принялась подробно рассказывать о состоянии Мило на данный момент. Черепно-мозговая травма средней тяжести, свод черепа поврежден, пришлось извлекать осколки кости, вследствие удара образовалась значительная гематома, реакции нарушены и замедлены, врачи постоянно измеряют внутрочерепное давление, назначена седативная терапия.

Наш сын погрузился в глубокий сон. Пока неизвестно, долго ли он продлится.

– Но он непременно очнется, ручаюсь!

Есть и хорошие новости. Тут я с сомнением хмыкнул. Многочисленные исследования позволяют с уверенностью утверждать, что грудная клетка в целостности и сохранности, все внутренние органы нормально функционируют, суставы и связки в полном порядке, ни единого перелома конечностей, только ушибы, ну, еще бок пропорот и со щеки полностью содрана кожа. Иными словами, кроме черепно-мозговой – ничего серьезного.

– А что вы скажете о последствиях травмы, доктор? Какие осложнения могут возникнуть?

Прежде я слушал ее со страхом, думая лишь об одном. Вот сейчас она произнесет что-нибудь ужасное, непоправимое. Инвалидность. Задет спинной мозг. Церебральное расстройство. Односторонний паралич. Полный паралич. Тетраплегия[3 - Паралич обеих ног и рук.]. Однако ничего такого я не услышал. Поэтому пришел к выводу, что мы чудом избежали самого плохого. Испытание, конечно, не из легких, но в скором времени все наладится.

К сожалению, доктор Наталья Начева еще не успела сказать нам самое главное. Она отвела со лба белесую прядь, придвинулась поближе, ласково взяла за руку Селесту, затем меня, будто на спиритическом сеансе. Наверное, надеялась таким образом ослабить напор потока информации, смягчить удар, не понимая, что подобные приготовления пугают, а не успокаивают.

– О последствиях еще рано говорить, мсье. Сперва Мило должен очнуться. Потом через сутки или через двое его осмотрит невролог. Мальчик перенес травму, болевой шок, тяжелейшую операцию. Понимаете, мсье?

Если бы я хоть что-то понимал! Мой единственный сын, красивый, зеленоглазый, веселый, подвижный, живой, восприимчивый, энергичный, которому все сулили прекрасное будущее, всего за какие-то жалкие два часа превратился в живой труп, опутанный проводами, катетерами, капельницами. Ему вскрыли черепную коробку, у него в мозгу копались, затем накачали его обезболивающим. Абсолютно чужие, незнакомые люди упорно боролись за его жизнь, оперировали, перевязывали, несли, укладывали, облегчали страдания.

А где были мы в это время? Всего в двух шагах от больницы родители, мать и отец, ни о чем знать не знали, сидели себе у нотариуса в мягких удобных креслах а-ля Людовик XV и лицемерно умилялись, слушая его речи о бесчисленных добродетелях дарительницы и бесконечных обязанностях тех, кто принял ее дар.

Нет-нет, честно говоря, я ничегошеньки не понимаю. Это какой-то дикий, бессвязный, бессмысленный бред, путаница, неразбериха.

Доктор Наталья выдержала паузу.

– Вам нужно морально подготовиться к тому, что отныне многое в вашей жизни изменится, – заговорила она наконец. – И для вашего мальчика, и для вас – для всей семьи.

При взгляде на Селесту у меня болезненно сжалось сердце. Она побледнела еще больше. Блуждающий взгляд скользил с предмета на предмет, потом устремился к окну. Снаружи, будто шум прибоя, доносился мерный шелест тополей у парковки. В мрачном кабинете нас было трое, но внезапно я почувствовал, что остался один-одинешенек, испуганный, всеми покинутый.

Мерзкий сладенький голосок внутри, назойливый, неотвязный, успокаивал, уговаривал, сначала шепотом, а затем все более властно, настойчиво: «Послушай, Лино, давай примем меры, понимаешь, о чем я? Ты ведь должен быть сильным, поддерживать, помогать. Доктор сказала: «Многое в вашей жизни изменится. Его осмотрит невролог». Нужно морально подготовиться, разве не так? Проверенное надежное средство, костыль, на который ты обопрешься, пока все не срастется, а затем отбросишь к чертям. Сейчас ты в нем нуждаешься. Не бойся, это лишь временно, ненадолго. Мы не увязнем, не потонем, не привыкнем, ничего такого, поверь! Просто подлечимся, справимся с паникой, выйдем из кризиса, вот и все».

Я в ужасе подскочил и выбежал из кабинета, не извинившись, ничего не объяснив. В коридоре сидела в засаде Жанна. Она проводила меня неприязненным взглядом. Я заперся в туалете, бросился на пол и принялся отжиматься без остановки.

Раньше физические упражнения безотказно помогали справиться с пагубной тягой, от которой кружится голова и скручиваются внутренности. Отжимания отгоняли заразную злую уверенность, будто другого выхода нет, позорное чувство бессилия, разъедающий страх. Но сейчас я так устал и измучился, что одной силы воли оказалось мало. Проклятая зависимость слишком долго играла со мной в кошки-мышки. Я сделал двадцать пять отжиманий, а на двадцать шестом повалился набок и разрыдался, как паршивый сопляк, повторяя: «Мило, Мило...»

Жанна

Он пулей вылетел из кабинета, белый как полотно. Спрятался в туалете. У меня душа заболела от жалости: Селеста осталась совсем одна перед лицом чудовищной беды. Я сразу поняла, что ничего хорошего им не сказали. Достаточно было заглянуть в приоткрытую дверь и увидеть, как моя дорогая любимая девочка сидит напротив врача, сгорбившись, согнувшись под тяжестью навалившейся боли и неразрешимых вопросов. Голову опустила, вцепилась в подлокотники.

Я не медлила ни минуты. Вбежала туда, обняла ее за плечи, принялась целовать, гладить, утешать.

– Я с тобой, доченька, ангел мой! Мама рядом, мама поможет. Вот увидишь, все будет хорошо, Мило очнется. Он справится, он победит. Он у нас настоящий воин, борец. Не слабак какой-нибудь, а твой сын, наша кровь. Мы, Польжи, всегда были крепкими, стойкими. Нас голыми руками не возьмешь.

Но она как будто меня не видела, не замечала моих поцелуев, ласк... Отвернулась, отстранилась, принялась повторять как заведенная:

– Лино, Лино, где ты?

Неужели не поняла, что он сбежал?

– Мадам, – строго спросила меня врач. – А вы кто, собственно?

– Я ее мама. Бабушка Мило, не чужая.

– Прекрасно. И все-таки я попрошу вас подождать в коридоре, мы еще не закончили.

Ты меня не послушала, дочка. И вот к чему это привело: ты совсем одна, он заперся и дрожит от страха, а я не в силах тебе помочь, меня не пускают, говорят, что я всего лишь бабушка... Да что они вообще понимают в родстве?!

Из всей семьи я самая надежная, я твоя единственная опора, неужели я не доказала это, неужели не доказала? В отличие от некоторых, я не ищу развлечений и утешений, не нуждаюсь в горячительном. Мое горячее – страстная потребность защищать тебя и Мило, бороться за ваше счастье. Большого я не прошу. Ты главный человек в моей жизни. Положи руку на сердце, можешь ли ты сказать, что твой муж тебе предан не меньше? Доченька, сколько еще страданий ты вынесешь, прежде чем у тебя откроются глаза? Лино – главный источник всех наших бед. Звучит дико, согласна, однако мне надоело кривить душой и молчать. Уму непостижимо, с каким упорством вы двое лжете всем на свете, в первую очередь самим себе! Будто бы все скрыто и зарыто, а ваше ужасное несчастье и все последующие невзгоды давно быльем поросли.

Нет, я ничегошеньки не забыла. Отлично помню, как ты осунулась, исхудала, не спала ночами, отчаянно искала на разных сайтах чудодейственное средство,

волшебника-врача, ну хоть какой-нибудь способ забеременеть. У вас не получилось. А ведь причина проста: дурное семя.

Позднее, в тот страшный день, когда ты, сама не своя от горя, клялась, что наложишь на себя руки, над трупиком младенца, который умер, еще не родившись, кто тебя спас, кто вернул тебя к жизни?

Мне нечем гордиться, я твоя мать, я следовала долгу и зову сердца, ничего героического, сверхъестественного. Признаюсь честно, спасая тебя, я тоже спаслась, мы с тобой просто помогли друг другу.

Но, скажи на милость, где все это время был Лино? В черный год скорби именно я день за днем обнимала тебя, выслушивала твои жалобы. Слезы и стоны от беспросветной тоски рвали мне душу на части, но я не жаловалась, я подставляла плечо, я всегда была рядом. Неужели не помнишь?

Он выдержал дома всего два дня, да и то лишь потому, что так велит закон. А утром в четверг, как ни в чем не бывало, гладко выбритый, невозмутимый, отправился на работу. Ты оправдывала его, ну еще бы! Мол, нужно же на что-то жить и платить по счетам, да и каждый переживает по-своему...

Мы-то с тобой знаем, какая у него анестезия. Вы что, вправду надеялись, что я ни о чем не догадаюсь?! Как ты его оберегала, дочка! С порога протягивала мятные леденцы, прежде чем он со мной поздоровается. А если у муженька язык заплетался, говорила вместо него. Прятала пустые бутылки. Заметала следы, сглаживала острые углы.

Я не вчера родилась, Селеста! Меня не обманешь. Ты мечешься между мужем и сестрой, постоянно их защищаешь, следишь, чтобы не натворили чего и сами не пострадали. Но разве они хоть раз подумали о тебе?

Сегодня они оба тебя бросили, хотя на нас вновь обрушился страшный удар, хотя любимый мой внук сражается со смертью. Лино заперся в туалете, Маргерит подпирает стену и не желает смотреть в глаза. Кстати, почему никто до сих пор не спросил, какого черта она потащила ребенка в поле кататься

вместо того, чтоб учить с ним английский? Ведь мы им велели!

– Маргерит!

Надо же, выбрала, дура, самый удачный момент! То стояла как вкопанная, а то вдруг пошла, санитарам вон помешала. Ножки-спички, тощая, а неуклюжая, как корова.

– А ну отвечай, куда это вы на велосипедах намылились?

– Мило захотел собрать букет для Селесты. Мы поехали за подсолнухами.

Дылде стукнуло двадцать восемь, а пищит и сюсюкает, как младенец. Будто я поверю, что ей десять, и ни в чем-то она не виновата, ни за что не в ответе. Умеет себя оправдать. Вечно она ничего плохого не делала и не думала, так само получилось, ей просто не повезло!

Одно скажу в оправдание бедняжке: тебе, лапочка, было в кого уродиться трусливой и подлой.

Я была растрогана. У меня духу не хватило ему отказать.

Надо же было Маргерит без приглашения притащиться сюда во время каникул! Ей что, приятели-археологи надоели? Чего ей неймется? Все уши нам прожужжала о захватывающих приключениях в Италии, в Испании, в Египте, о невероятных открытиях, о конференциях, о встречах с замечательными учеными, интересными людьми, интеллектуалами. Весь год не могла заткнуться. Уж такие у нее друзья! Продвинутые, развитые, веселые. И всем-то она нужна, все-то ее зовут, весь мир без нее обойтись не может! Так чего ж ты прискакала сломя голову, как только лето настало?

Разве не понимаешь, что ты лишняя в этом доме?

Понимаешь, еще как понимаешь! Изъянов у тебя много, но ты ведь не debilка.

Хоть и любишь прикидываться дурочкой. Мило, святая простота, в тебе души не чает, а ты и рада! Пользуешься, прикрываешься им. Знаешь, что это верный путь

к сердцу сестры. Того только не замечаешь, как ей больно сравнивать себя с тобой. Красуешься перед ней, смазливая, вертлявая, буркалы выкатываешь. Ворона в павлиньих перьях. И проклятая метина, крест на смуглой щеке... Селеста – ангел, судьба к ней несправедлива. А ты! Ты, гнусная воровка, то и дело ей дорогу перебегаешь. Тебя-то за что бог красотой наградил?!

Само собой, я снова не права. Ты проямлишь, что такой уродилась, что не виновата, что не просила об этом.

Просила, не просила – мне плевать! Видеть тебя не могу в моем доме. Было время, когда мы жили здесь тихо и мирно. Дом – свидетель десяти самых безоблачных лет моей жизни. Если бы мне кто сказал тогда: «Это твои счастливые годы, наслаждайся!» Так нет же. Я их проморгала, растратила попусту, пустила на ветер. Что имеем, не храним, потерявши, плачем. Мне все казалось, что лучшее впереди. Первое блюдо часто глотаешь наскоро, не распробовав, ждешь следующего, горячего. Вот горяченького я потом и схватила. До сих пор расхлебываю. Одна. Еще и со дна выскребаю.

Утром у нотариуса отчетливо вспомнила, как сорок лет назад мы с Жаком в полнейшем восторге оформляли покупку недвижимости. Тогда это была жалкая заброшенная ферма, темный тесный грязный сарай в жутком состоянии, сущий свинарник. Осматривая свою будущую собственность, мы все время зажимали носы и хихикали, будто школьники, видя, что стены, пол и земля вокруг густо вымазаны куриным пометом. Прежние владельцы, разводившие птицу, съехали месяц назад и даже убрать за собой не удосужились. Однако вонь, мерзость и запустение нас не отпугнули. Мы оба мечтали о загородном доме, радовались, строили планы. Мне было двадцать, ему – тридцать восемь; столько энергии! Мы все расчистили, отскребли, отмыли. Сами отремонтировали и покрасили каждую комнату, распевая песни. К вечеру падали с ног от усталости. И дивный сад, цветущий круглый год, – наша заслуга. Мы с Жаком выбрали и посадили своими руками каждое дерево, каждый кустик, каждый цветок.

Нынче утром я вспомнила, как маленькая Селеста бегала по лужайке, ловила бабочек и сейчас же их отпускала. Еще она любила качаться на качелях, требовала, чтобы я раскачивала их все сильнее, а потом начинала плакать от страха и упоения.

– Мамочка, я сейчас упаду, лови меня!

Я обдираю о грубый канат ладони, останавливая качели на полном ходу. Она прыгивала ко мне на руки, пухленькая, теплая, сладкая. Осыпала меня поцелуями и убегала играть. До сих пор чувствую на шее нежное прикосновение ее бархатистых ручек.

Качели я разобрала еще до твоего рождения, Маргерит. После того как Селеста года два к ним не подходила. Она выросла, стала такой серьезной, старательной, аккуратной. Только и думала, как бы порадовать нас с Жаком. Особенно меня. Увы, я вскоре разлюбила мужа. Теперь, по прошествии стольких лет, мне кажется, что никакой влюбленности, страсти между нами никогда и не было. Просто мне хотелось стать всеми уважаемой замужней состоятельной дамой. Вот я искренне и поверила, будто сын известного врача, довольно молодой владелец страховой компании, безумно мне нравится, хоть красотой и не блещет. Отличная партия!

Да и семья у нас получилась отличная. До поры до времени ни о какой любви я не мечтала. Жак, тактичный, внимательный, сдержанный, не требовал от меня невозможного. В конце концов, и он видел во мне хорошую партию, а не душу души своей. Я, возможно, была не такой уж образованной, зато молодой и красивой. К слову, мой отец – тоже не из последних, как-никак глава интендантской службы целого военного округа! Жак долго не женился – страховая компания поглощала все его время, – поэтому и надеяться не мог, что такая девушка, как я, ответит ему взаимностью. Пускай друг к другу мы относились прохладно, зато оба обожали Селесту, и она с избытком возмещала нам отсутствие взаимного тепла. Роль матери семейства подошла мне как нельзя лучше. Я с наслаждением заботилась о дочке и муже, учитывала и даже предвосхищала все их желания, наладила идеальный порядок, плавное размеренное течение повседневности. Я оказалась одаренным организатором. Жак без устали превозносил мои таланты перед всеми друзьями и родственниками: «Если б не Жанна, мы бы пропали! У нее безукоризненный вкус и столько бесценных умений. Она – краеугольный камень нашей жизни, без нее дом бы рухнул, а я впал бы в полнейшее ничтожество, поверьте».

Все рухнуло в одночасье, верно. Вот только Жак в ничтожество не впал, вышел сухим из воды, оказался чертовски проворным. Мне, конечно, возразят, что он умер, сердце не выдержало. Нет, голубчики, в его смерти вам меня обвинить не

удастся! Это случилось через много-много лет, мы давно уже были в разводе. А тогда краснойбай, прежде певший мне дифирамбы, свинтил в один миг и буквально через полгода нашел себе новую опору и утешение, даму – дизайнера интерьеров благороднейшего происхождения с прической певички из кафешантана. Трус, лицемер, лжец! Сбежал, как только увидел тебя, Маргерит.

А я, думаешь, больше тебе обрадовалась? Мне что, полагалось любить тебя только за то, что ты вылезла у меня из живота? Любить вопреки всему, наплевав на предательство, обман, подлость, одиночество? Меня-то кто любил, поддерживал, защищал, берег? Разве я не заслуживала хоть немножко тепла? Из пустоты и отчаяния любви не выкроишь.

Все показывали на меня пальцем, шушукались за спиной. Дрянная мать. Дрянная жена. Дрянной человек. А Жака жалели. Бедненький! Он слишком хорош для нее. Даже мои родители встали на его сторону! Никто не догадывался, каким мучением было смотреть, как ты растешь, хорошеешь, смеешься... Брать тебя на руки и каждый раз чувствовать лишь отвращение и дикое раздражение. Я ведь часами наблюдала за тобой, вознося горячие молитвы, чтобы мне ниспослали хоть каплю нежности к тебе. Напрасно старалась. Растить ребенка без любви – пытка. Меня годами поджаривали на медленном огне.

Одна Селеста меня жалела. Одна Селеста мне помогала. Одна Селеста подозревала, что отец не прав. Ей было всего двенадцать, но она уже понимала, что не всегда виновен тот, у кого в руке нож.

Двенадцать лет! Роковая черта, опасный возраст. Будто нас сглазил кто. Селесте было двенадцать, когда мы разошлись. Мило двенадцать, и он в коме. Ты, Маргерит, – проклятье нашей семьи.

Сегодня утром я прощалась с домом всерьез. Я не просто уходила, я решила расстаться с ним, передать его Селесте. На пороге обернулась и увидела, как внук сидит за столом над тетрадью и грызет карандаш. За этим же столом, покрытым той же клеенкой с безвременниками, розовыми осенними крокусами, сидела моя любимая двенадцатилетняя доченька и тоже грызла карандаш.

Мы сказали ей, что отныне будем жить врозь. Жак хотел, чтоб она уехала с ним. Мол, ей ни в чем не будет отказа, полнейшая свобода, никаких проблем и забот.

– Ни ограничений, ни запретов, я полностью тебе доверяю, – вкрадчиво нашептывал он. – Ты уже не ребенок. Тебе нужно больше времени уделять себе, своим занятиям. А младенец станет кричать, будить тебя по ночам, волей-неволей придется приспосабливаться к его режиму, возиться с ним... Зачем тебе это?

Едва ли его заботило счастье Селесты. Скорее хотелось насолить мне. Раз придуманное им будущее не могло осуществиться, Жак решил и мое сгубить. Гениальный и простой план: забрать старшую дочь, а меня оставить с Маргерит одну. Пусть праведники как сыр в масле катаются, а грешники маются и каются.

Вот только Селеста спутала ему все карты. Не поддавалась, хоть он ей посулил подарить мотороллер на четырнадцатилетие. Не пожелала расстаться с сестренкой, так и заявила напрямик:

– Либо ты берешь нас обеих, либо я остаюсь.

Миг моего горького торжества.

Если б Селеста знала, из-за чего мы развелись, осталась бы она со мной или нет?

Вскоре после рождения Маргерит я предложила Жаку рассказать нашей старшей всю правду. Ей ведь уже двенадцать, к тому же она не по возрасту взрослая и рассудительная. Я боялась, что потом мы увязнем во лжи и не выпутаемся. Однако Жак настаивал на общепринятой версии событий под предлогом, что отступить уже поздно: мы и так заврались.

Он перенес филиал своей страховой компании в другую провинцию и поселился неподалеку, выкупив целый этаж старинного особняка. Часть каникул Селеста непременно проводила у него. Отец так и не купил ей мотороллер. Потому что я пригрозила, что лишу его права опеки, если он подвергнет опасности жизнь дочери. Зато завел чудесного лабрадора цвета меда. Селеста назвала его Джесси и с тех пор не знала, как выразить папе благодарность и преданность. Пришлось и мне взять котенка, чтоб уравнивать наши шансы.

Правда, через пару недель выяснилось, что у Маргерит ужасная аллергия на кошачью шерсть. Бедная Селеста заливалась слезами, когда мы с ней

вынужденно отнесли котенка в приют. Жак и прежде не брал к себе младшую, говоря, что мужчины не умеют обращаться с малышами. А теперь у него появился особенно веский аргумент: вдруг собачья шерсть тоже провоцирует аллергию? Нельзя же отнять у Селесты Джесси!

Лино пронесся обратно в кабинет, опять-таки не говоря ни слова. Распахнул дверь настежь. Я увидела, что Селеста уже встала и собралась уходить. Она бросилась к мужу, обняла его и застыла. Он выскользнул из ее объятий, будто змей, выползающий из прежней кожи, и зашипел на меня:

– Уезжайте. Поймите такси. Вам пора. Мы с Селестой останемся возле Мило.

Милый зять решил отделаться от меня без лишних хлопот и церемоний.

– Нет-нет, я останусь, – твердо возразила я. – Я вам еще пригожусь!

Ты же знаешь, Лино. Я столько времени отогревала Селесту, утирала ей слезы, отгоняла страхи. Не спала ночами, молилась, страдала вместе с ней. Как показало прошлое, я одна способна облегчить ее ношу. В горе мать ей необходима! Пойми же это, наконец, тиран несчастный!

– Вернитесь домой, Жанна. Мило еще долго не проснется. Вам здесь делать нечего. Мы сообщим, если появятся хоть какие-то изменения.

– Пошли, – поддакнула Маргерит. – Им лучше остаться втроем.

– Вот именно! – обрадовался Лино.

– Я могу на прощание поцеловать дочь и хоть одним глазком взглянуть на внука? Я беспокоюсь о нем не меньше, чем ты!

– Врачи утверждают с полной ответственностью: «Мило непременно очнется!»

Иногда мне кажется, что зять никак не осознает одну простую истину: я правда люблю Мило! Не как продолжение Селесты, сокровище, смысл ее жизни. А потому что иначе и быть не может! Ведь он – наша радость, надежда, залог

счастливого будущего, победа над тягостным прошлым. Милый, забавный, ласковый плутишка. Хитрец, что дарит мне вдруг букетик одуванчиков или плакун-травы, чтобы я не ругала его, лентяя и шалуна. Он наше ясное солнышко, наше благословение.

Я люблю Мило и боюсь за него. Боюсь, что ему сейчас больно. Что его у нас отнимут. Что он уйдет далеко и не захочет вернуться.

Я боюсь беспросветной тоски. Могильного холода. Смерти.

Я боюсь смерти, Лино!

Даже отсюда слышу писк и жужжание всех этих аппаратов. И боюсь, что он оборвется. Одним ударом. Лезвие гильотины опустится. Жизнь Мило оборвется. И наша тоже.

Я боюсь за всех нас, пойми!

Врачи утверждают с полной ответственностью... Дурак!

– Вам действительно лучше уехать, Жанна. Поверьте.

Вот уперся. Хорохорится! Доволен, что в кои-то веки победа за ним и можно покомандовать, покуражиться. Не на поле боя, в больнице, а?

Лино всегда считал меня заклятым врагом и старался переманить Мило на свою сторону.

Если я делала внуку замечание, папочка сразу же демонстративно вставал на его защиту. Хотя, видит бог, я желала мальчику только добра и поэтому заботилась о его воспитании. Куда легче промолчать, не вмешиваться, не обращать ни на что внимания. Ненависть ослепляет Лино, он не хочет признавать даже самых очевидных моих заслуг. Во время обеда, стоит мне отойти к плите, как зять передразнивает меня, хихикает, толкает сына локтем в бок... Суровый властный отец, заставляющий по сто раз переписывать упражнение из-за малейшей глупой ошибки, преображается, словно по волшебству.

Я все замечаю, но молчу, чтобы не огорчать Селесту.

Думаешь, перехитрил меня, Лино? По-твоему, Мило – марионетка, дергай за ниточки, и все тут? Надеешься, он забыл, как я читала ему сказки, как мы вместе пропалывали огород? Мальчик подыгрывает тебе, боится тебя обидеть, разочаровать, задеть. Он тебе предан, однако по вечерам, стоит тебе нацепить наушники и развернуть газету, на цыпочках крадется ко мне наверх и охотно рассматривает фотографии маленькой Селесты, висящие в моей спальне у изголовья. Со смехом замечает сходство между собой, мамой и бабушкой: ямочки на подбородке, пухлые щеки, каре-зеленые глаза. Целует меня, желает спокойной ночи.

Он унаследовал от Селесты безграничную всепобеждающую доброту. А от тебя – упорство, которое иногда, увы, перерастает в упрямство. Ты, Лино, – яркий тому пример.

Иногда мне кажется, что зять не дает нам с Мило дружить, сводя свои старые счета. Не с нами. Видит бог, мы оба ни в чем перед ним не провинились.

– Неужели ты забыл, Лино, что другого внука у меня нет?

Вот так! Получай! Запрещенный прием, но иначе нельзя. Семейная драма касается всех, не тебя одного.

Отличный удар! В яблочко! Зять вздрогнул, побледнел.

– Ладно, зайдите. Но ненадолго!

– Я подожду тебя в холле, – пробормотала Маргерит. – Нет, лучше поймаю такси.

Взмахнула красно-белым хвостом и исчезла.

С бьющимся сердцем я направилась к боксу, где лежал без сознания Мило. Странная мысль вдруг пришла мне в голову. Мы с Маргерит вернемся домой одни...

Такого давно не бывало.

Маргерит

Я бы охотно оказалась на твоём месте. Лежала бы сейчас в кровати с металлическими бортиками-решетками на жестком белоснежном белье. Или сером. Или синем. Не знаю. Обо мне никто не подумал. Оказалось, только я одна не имею права зайти к тебе в палату. Может, и нет там никаких решеток-бортиков. Может, там большое окно, и когда ты откроешь глаза, то увидишь небо, бескрайнее небо...

Лучше бы мне, а не тебе, проломил череп и ободрали щеку. Я хочу забрать всю твою боль. Я знаю: тебе очень больно. Иначе и быть не может. Врачи всегда врут родным, что больной не страдает. За идиотов нас держат. Тебе кололи всякую дрянь, вскрывали черепную коробку, зашивали порезы, втыкали иглы в вены, вводили катетеры... Такому нежному, маленькому, беззащитному. И еще смеют болтать, что ты ничего не почувствовал?!

Возьмите меня вместо него! Я заслужила!

Боже! Мило, ну зачем тебе вдруг приспичило утром расспрашивать меня о древнеримской вилле? И о раскопках. С пристрастием, в малейших подробностях. Ты же видел, что я смутилась, покраснела, не знала, что ответить. Обычно ты такой чуткий. Если замечаешь, что какая-то тема мне неприятна, избегаешь ее. Спешешь на помощь, когда твои бабушка, отец или мама задают мне бестактный вопрос. Мгновенно отвлекаешь их, отражаешь каждое нападение, защищаешь меня, прикрываешь. Благородно расчищаешь мне путь от препятствий. С первого дня твоей жизни, с самого рождения.

Как только Селеста положила крошечного тебя мне на руки – видел бы ты лицо Жанны в этот момент! – между нами сейчас же протянулась невидимая, но прочная нить. От сердца к сердцу. Такой простой чистой бескорыстной любви на всем свете не сыщешь!

Из всех людей один ты смотришь на меня без предубеждения. Для твоей мамы я объект сочувствия и заботы. Для моей – обуза и тяжкий крест. Твой отец осуждает меня, подстерегает, запоминает каждую оплошность. Мой вообще обо

мне забыл, как будто я умерла, а потом умер сам. И я до сих пор не знаю, чем ему досадила.

Для всех я – долг, неприятная обязанность, докуча, ошибка природы, помеха. Но только не для тебя.

Так откуда взялась безжалостная настойчивость? Зачем тебе понадобилась история античности? Какая муха тебя укусила?

Ты здорово изменился, как только тебе исполнилось двенадцать. Начал хмуриться, гордо расправлять плечи. Захотел поскорее стать взрослым, да? Завоевать уважение папы? Утешить маму? Она вечно беспокоится, боится, считает тебя хрупким, уязвимым. Вот ты и решил доказать ей, что вырос сильным, ответственным...

Неправда, ты не взрослый. Уж поверь мне, я знаю, о чем говорю. Только у ребенка могут так покраснеть щеки после велосипедной прогулки. Только ребенок с хохотом прыгает в бассейн. Только ребенок мурлычет песенку во время полдника. Вот несомненное доказательство: полдничают исключительно дети. Взрослые вообще забывают о полднике. Пропустят стаканчик вечером – вот и все удовольствие. А ты полдника ждешь не дожدهшься, все время смотришь на часы: скоро ли половина пятого?

Я бы все отдала, лишь бы оказаться на твоем месте, Мило! Чтобы ты – на моем, вот сейчас, вместе в Жанной в такси.

Она упорно смотрела на пронесившиеся мимо дома и поля, ни разу на меня не взглянула. Жанна всегда отгораживается, дает мне понять, чтобы я держалась от нее на почтительном расстоянии. Бессознательно, скорее всего. Будто боится подхватить заразную скверную болезнь...

– Почистишь зеленую фасоль на ужин.

Цедит слова сквозь зубы безо всякого выражения, нарочно отводит взгляд. Маленькой мне доставалось от нее куда больней. Она постоянно кричала, злилась, возмущенно возводила глаза к потолку, в раздражении постукивала пальцами по столу, притопывала ногой. С годами острая неприязнь сменилась безразличием. Но суть наших отношений все та же: за двадцать восемь лет мама

меня ни разу не приласкала, даже во время болезни, даже в беде... Когда мне было пять лет, я сломала руку в школьном дворе во время перемены. В семь мне удалили аппендикс. В девять она обварила мне ноги, опрокинув кипящий чайник. А потом дала по ошибке сильный бета-блокатор... У меня чуть сердце не остановилось. Однако и тут мама мне не посочувствовала, только громко обругала тех, кто дает названия лекарствам.

Она добросовестно лечила меня: меняла повязки, по часам давала таблетки. И в остальном честно выполняла свой материнский долг, если так можно выразиться. Без единой улыбки, без поцелуев и объятий. Мило, ты можешь себе представить маму, которая не хочет даже погладить тебя по голове? Не можешь. Тебя все любят, все балуют, все ласкают. Всегда, повсюду, с самого рождения.

Нет, я на нее не обижалась. Понимала, что ей тяжело приходится. Думала, будто я виновата в ее неизлечимой усталости и в том, что у нас вечно нет денег. Мне не исполнилось и десяти, как я взвалила на себя всю ответственность за наши несчастья. Тихо лежала и терпела, стараясь ее не разбудить, если мне ночью снился кошмар или у меня вдруг поднималась температура. А коли становилось совсем невмоготу, на цыпочках бежала к Селесте. Знаешь, Мило, твоя мама была для меня спасением, прибежищем. Тогда она оканчивала университет, готовилась к экзаменам по ночам и с полным правом могла бы гнать меня обратно в постель. А вместо этого прижимала к себе, нашептывала утешения, мерила температуру, клала на лоб влажную повязку, отводя непослушные кудряшки и ласково заправляя их за ушко.

Селеста всеми силами пыталась нас помирить. Терпеливо выслушивала мои жалобы, соглашалась, потом мягко упрашивала понять, что трудно быть матерью-одиночкой, что мама в душе добрая, а сердится так, для виду, что на самом деле она любит меня, просто не умеет выразить свою любовь.

Я силилась ей поверить. А что мне еще оставалось?

В такси я краем глаза наблюдала за Жанной. Она плотно сжала губы, стиснула колени, вцепилась обеими руками в сумочку. Мне бросилась в глаза ее странная манера одеваться. Чтобы поехать за плиткой для бассейна, мама надела шерстяной строгий однотонный пиджак в мелкую клетку, несколько

старомодный, но очень стильный, приколола изумрудную брошь, фамильную драгоценность. Чужачество? И всегда она так. Тщательно красит ногти, чтобы выйти за покупками. Вскочив рано утром, сейчас же наводит марафет: а вдруг кто-нибудь заглянет без предупреждения? Если ее парикмахер в отъезде, запирается у себя в спальне. Скорее умрет, чем покажется на люди с отросшими седыми корнями волос.

Зачем совершать столько усилий, чтобы превратиться в кого-то другого? Мне это непонятно! Селеста говорит, что Жанна изображает английскую королеву, потому что развод ее глубоко травмировал. Она мечтала стать светской дамочкой, подняться по социальной лестнице, но слишком рано споткнулась. Оторвалась от своих, а к чужим не прибилась. Поэтому растерялась, чувствует себя обманутой и обобранной.

Иногда мне кажется, что настоящей Жанны больше нет. Нет той маленькой девочки, девушки, которая искренне радовалась, грустила, живо воспринимала все вокруг, непосредственно реагировала. Я знаю только Жанну-куклу, Жанну – манекен в витрине, Жанну – актрису с отработанными жестами и готовыми репликами.

Наши диалоги в пьесе предельно лаконичные и сухие.

– Кстати, а куда ты подевала велосипеды?

– Они так и остались на проселке.

Она взглянула на меня сердито, осуждающе: «Ты в своем репертуаре, Маргерит!»

– Ты посмела бросить велосипед Мило на обочине?! Прошу, ущипни меня, я, наверное, сплю. Ты чем думала? У тебя на плечах голова или кочан капусты? Мальчик им так дорожит! Что скажет его отец? Он ведь сам его красил, сам рисовал звезды на раме...

Жара страшная, а дома у нас прохладно. На кухонном столе осталась твоя кружка, учебник английского, тетрадь... Открытый рюкзак упал на пол, из него вывалились папки и пенал. Ты ничего не убрал, ведь мы задумали отлучиться всего на полчаса. Посоревнуемся и займемся историей античности. Чтоб ее черти съели! Я надеялась, что ты вообще о ней забудешь или что выиграю денек на подготовку. Мол, отвлеку тебя, а там и наши вернутся, сядем за стол, бабушка накормит нас обедом...

В результате ты оказался в больнице. Я думала только о себе, приняла неверное решение, подставила тебя... Ты в коме по моей вине. Но и Лино хорош, ничего не скажешь! Надо же в августе заставить сына повторять программу прошлого года! Хотя бедняга уже исписал две толстые тетради упражнениями по французскому и решил тьму контрольных по математике. Папаша твой просто спятил. Помешался на том, чтоб сделать из тебя «человека». Дай ему волю, он бы и ночью подключал твой мозг напрямую к компьютеру и качивал бы в тебя тома энциклопедии.

Или, может быть, он заговорил о древней истории не без задней мысли? Предположение странное, но, если вдуматься, вполне правдоподобное. Заподозрил что-то и решил поймать с поличным. Он бы с радостью меня уличил, вывел на чистую воду, выставил к позорному столбу, а затем выгнал бы из дома, желательно навсегда.

У нас, Мило, с твоим отцом старые счеты. Он ревнует меня к тебе и к Селесте. Он меня не любит. Вернее, любит, но весьма своеобразно, что еще хуже, поверь. Тринадцать лет назад кое-что произошло. Немыслимое, невыразимое. Гадкая, грязная, липкая тайна связала нас навсегда.

Разве я виновата? Неужели я должна была закричать, всех перебудить, когда он пьяный вдрызг завалился ночью в мою постель? Я подумала тогда о сестре. Селеста не засыпала без снотворных. Она ходила по краю пропасти и могла соскользнуть на дно в любую минуту. Меня буквально затошнило от ужаса. На меня покусился человек, ставший моим родным братом! Когда мне было девять, Селеста познакомила нас и сказала: «Лино не просто мой любимый, отныне он твой старший брат! Вот увидишь, он будет защищать тебя вместе со мной».

Хороша защита! Шесть лет спустя «старший брат» заполз ко мне под одеяло, принялся лапать и бормотать:

– Нам будет хорошо, в этом нет ничего дурного. Да какая разница? Мы все равно умрем, понимаешь, умрем...

От него разило виски. Он до того надрался, что не смог войти. Его стручок болтался мягкий, вонючий, противный.

Я и без него потеряла невинность. Нашлись те, кто мне объяснил, что почему, мол, в пятнадцать ты уже не ребенок... И я с ними согласилась. Но это другая история.

Поэтому я не сопротивлялась и не звала на помощь. Дорожить было нечем. Селеста и без того невыносимо страдала. Лино тоже страдал. У него вообще не стоял. К тому же они оба оплакивали покойного.

В ту ночь я не могла уснуть. Лежала, скорчившись, боялась пошевелиться. Тогда я еще не знала, что проведу без сна и все последующие ночи, замкнувшись в себе, затаившись, отгородившись от всех и вся. Нужно время, чтобы понять, как глубоко тебя ранили.

Он на два-три часа провалился в сон, затем вдруг очнулся.

– Что мы наделали? – взвыл он. – Какого черта я тут с тобой?!

Рвал на себе волосы, бился головой о стену, хотел сквозь землю провалиться. Думаю, он бы охотно переступил черту, догнал своего умершего сына. Но ради Селесты пришлось пережить и это. Я тоже стерпела ради Селесты. Указала ему на дверь, вот и все.

Мы с ним никогда не возвращались к позорному эпизоду. Решили, что лучше обойти его молчанием. Но теперь мне ясно, что мы ошиблись, обрекли друг друга на пожизненную муку, позволили заразе распространиться. В тишине вызрела ненависть. О таком можно поговорить только сразу – потом не удастся. Теперь мое присутствие напоминает ему о минуте слабости, когда жажда жизни и жажда смерти вместе довели его до греха. Он не может мне этого простить. Старается отделаться от меня, избавиться. Тщетно! Я сопротивляюсь, цепляюсь, держусь за свою семью. Меня из дома не выкинешь! Не для того я страдала.

И вот ему утром пришла в голову счастливая мысль. Простой и действенный план, возможность поссорить меня со всеми.

Последствия чудовищны. Мы все взлетели на воздух.

Детонатором взрыва послужила я...

Мило, малыш, если б можно было вернуться вспять, хоть что-то изменить, стереть дурацкий замысел Лино, мой страх потерять вас всех, твоё желание угодить отцу... Если б солнце не светило тебе в глаза, если б сработал тормоз, если б трактор не оставил в грязи бугорчатый след... Мы мчались с такой чудовищной скоростью, ты радовался и злился... Тебе так хотелось заполучить мои часы с хронометром...

Чтобы разрушить столько жизней, достаточно крошечной глупой мелочи.

Я аккуратно собрала твои вещи, отнесла их к тебе в комнату и положила на маленький письменный стол возле кровати. Ты поставил на него нашу фотографию в рамке. На ней мы плаваем в бассейне, выглядываем из огромного спасательного круга. Тебе два года, мне уже семнадцать. Ты смотришь на меня и смеешься вздохом, радостно, всем существом. Ты и сейчас так можешь. А я улыбаюсь тебе в ответ. По-детски, хоть этого не умею. С тобой, и только с тобой, я могу ничего не бояться, расслабиться, забыть о несбывшихся надеждах и вынужденной лжи. С тобой, и только с тобой, я беспечная, беззаботная, по-настоящему живая, впервые живая. Когда ты рядом, мне не нужно что-то выдумывать, изображать, стараться. Взгляни на эту фотографию. Тебе я улыбаюсь от всего сердца, непритворно, радостно. Совершенное полное чистое счастье!

Ты смял простыни с одеялом, они сбились в один большой ком. Тебе всегда жарко во сне, даже зимой, вот ты и брыкался.

Я тщательно расправила твою постель, подняла с пола майку, сложила и убрала ее в шкаф. Легла, воображая, будто я – это ты. Гнев и обида на

несправедливость судьбы мешали дышать. Тоска по тебе и страх распяли меня, пригвоздили к кровати.

Мило, ты должен проснуться. Ты должен жить дальше.

Ты должен вернуться из этой палаты, из этой больницы. Выбраться из внезапной ловушки, из тупика. Иначе мы все погибнем.

Я закрыла глаза и попыталась общаться с тобой телепатически. Может, мне удастся поделиться с тобой силами и здоровьем, отвоевать тебя у смерти?

Торжественную тишину нарушало только воркование горлиц за окном.

Время словно остановилось.

На миг.

– Маргерит! – позвала Жанна снизу. – А как же велосипеды? Ты заберешь их с проселка на Рождество или к Пасхе?

День ненависти

Селеста

Мое тело отяжелело. Воздух сгустился. Слова падают, будто камни.

Не могу подняться. Мне трудно дышать, говорить. Не отпускаю твою вялую руку, глазу ее. Жду, надеюсь, что ты проснешься.

Ты лежишь без движения. Без малейшего. Даже дрожь не пробегает по телу.

– Ему вкололи обезболивающее, – объясняет врач. – Все в норме. Не беспокойтесь.

Все в норме?

Вот и пятнадцать лет назад мне говорили: «Не беспокойтесь, мадам».

Меня душит черное, злое предчувствие. Ужасная боль! Будто зажали в тиски и льют в горло кипящий свинец.

И тогда внутри не было никакого движения. Ни малейшего. Даже дрожи не пробегало.

Окоченевшее тельце осталось в больничном морге. А нам еще два месяца приходили поздравления из центра финансовой поддержки материнства и рекламные образцы разнообразной продукции для малышей...

Прошло пятнадцать лет, и снова меня поглотила тьма.

Я снова мать мертвого ребенка. Жена безвольного пьяницы.

Молчи!

Никто не поймет, каково это.

Мне и тогда со всех сторон давали мудрые советы:

– Селеста, нельзя горевать бесконечно! Вы с Лино еще молоды, у вас будут дети, вот увидишь! Нужно жить, работать, общаться с людьми. Вредно сидеть взаперти. Слезами горю не поможешь.

Я крепко сжимаю твою руку, Мило, и молчу. Закусила губу, чтобы не закричать от боли. Не завопить от ярости.

Ты решил мне устроить сюрприз. Сел на велосипед и поехал собирать цветы. Для меня. Вчера днем бабушка заходила тебя повидать и шепнула мне это на ухо. Хотела сделать как лучше, само собой. Она всегда хочет как лучше, но получается как обычно.

Из-за меня, из-за проклятых цветов, твоя жизнь висит на волоске.

Из-за меня пятнадцать лет назад умер мой первенец.

Врачи говорили: «Вы тут ни при чем! Не мучайте себя понапрасну, мадам».

Врачи говорили: «По статистике такие необъяснимые случаи... Вам просто не повезло. Течение вашей беременности было абсолютно нормальным, без патологий. Вам не в чем себя упрекнуть!»

Даже роды протекали без осложнений: схватки, пауза, схватки – все как положено. Жизнь нас упорно обманывала. С особой жестокостью нанесла удар в последний момент, убив нашу радость. Лино, ликуя, держал видеокамеру и фотоаппарат. Сердце плода остановилось, когда прорезалась голова.

Ребенок не закричал.

Ребенка у нас больше не было.

Обе камеры выпали у отца из рук и разбились.

Он бросился на колени и зарыдал.

Моя утроба – гроб.

Теперь ты понимаешь, Мило, отчего два года спустя мы не стали снимать и фотографировать твое появление на свет. Мы не верили своим ушам, хотя ясно слышали твой зычный крик. Мы не верили своему счастью.

- Селеста!

Два года мы медленно погружались в пучину безысходности и безумия. Лино почти разучился говорить. Но исправно ходил на работу. Он неизменно брал с собой фляжку с виски. Делал глоток, прежде чем войти в кабинет. Затяжное самоубийство. Дань памяти отцу-алкоголику. Круг замкнулся.

Как ни странно, это ничуть не отразилось на его работоспособности. Генеральный директор похвалил его за стойкость и назначил премию по итогам года.

- Мы соболезнуем вашей утрате и хотим хоть что-нибудь для вас сделать.

Лино отказался от подачки. «Засунь свою премию себе в задницу», - прошептал он чуть слышно.

Директор смущенно закивал, забормотал:

- Да-да, я прекрасно вас понимаю. Не стану настаивать, но позже мы еще вернемся к этой теме.

Ничего-то ты не понял, ничего! Да и как ты мог нас понять?!

Я тоже попыталась вернуться к своей бухгалтерской рутине. Все врачи, все друзья, психолог в больнице в один голос твердили, настаивали:

- Ты должна, Селеста, попробуй. Это тебя отвлечет, успокоит. Что тебе делать дома? Кружить по квартире без толку?

- Ладно, - ответила я.

Легче соглашаться, плыть по течению, избегать напрасных споров, не тратить попусту время. Сама думала: «Мне-то какая разница? На работе, дома, на Марсе мое сердце всегда и всюду будет кровоточить и болеть. Послушаюсь их, пойду».

Они суетились, беспокоились, заботились обо мне, старались сделать как лучше. Я на них не в обиде.

Готовилась, будто в первый раз в первый класс. Купила новый ежедневник, наточила карандаши, запасла сменные баллончики для авторучки. Одного только не приняла во внимание: сама я все это время отсутствовала. Руки по инерции что-то делали, а мысли ходили по кругу, вечному, неизменному.

Я нарочно пришла раньше всех, чтобы не слышать перешептываний по углам. Села за стол, включила компьютер, раскрыла папки. Хотела добросовестно и аккуратно выполнить свои обязанности. Но в глазах зарябило от чисел, колонки складывались в загадочный орнамент, ключ от шифра отсутствовал. Я с великим трудом составила ведомость заработной платы, кому-то повысила оклад, кому-то аннулировала вычеты. А потом зачем-то оформила заново начисление налогов...

В полдень отправилась в столовую обедать. Все взгляды обратились ко мне с глубоким сочувствием. Однако стоило мне приблизиться, люди отворачивались. Кому же охота есть рядом с той, что выносила мертвого ребенка!

Я села с самого краю, подальше от остальных.

И вдруг заметила на другом конце молодую беременную, месяце на восьмом, не меньше. Она прижимала руку подруги-коллеги к своему животу и смеялась-заливалась. Я задохнулась от возмущения. Поднялась и направилась к ней. Может, хохотушка наконец-то мне объяснит, отчего гнев божий поразил меня, а не ее, меня, а не любую другую?!

Анни, наш финансовый директор, вовремя меня удержала. Подошла неслышно, ласково обняла за плечи, принялась вполголоса успокаивать. Она явно опасалась скандала, дикой безумной выходки, что бросит тень на репутацию нашей фирмы.

Нет, я не собиралась буянить и мстить.

- Нам нужно поговорить, Селеста.

В ее кабинете на пробковой доске были развешены мои распечатанные ведомости. Каждый лист - на четырех кнопочках. Все ошибки подчеркнуты палаческим красным или флуоресцентным оранжевым.

- Вам не следовало возвращаться так рано ни в коем случае. Вы не готовы, и в сложившихся обстоятельствах это вполне естественно. Отдел кадров и не подумал со мной посоветоваться, а ведь я лицо заинтересованное! После такой утраты вам нужно, по крайней мере, два месяца отдыха. Не волнуйтесь, никаких неприятностей у вас не возникнет, хоть вы допустили ряд промахов и некоторые не преминули этим воспользоваться. Все это мелочи. Прошу лишь об одном: сегодня же постарайтесь оформить отпуск за свой счет. Так будет лучше и вам и нам, уж поверьте.

- Ладно, - ответила я.

Слушая Анни, я догадалась, что за мной следили, верней, шпионили с самого утра. Но я на нее не в обиде. И на других коллег тоже. Мне все равно, все едино. Я покорно сложила в сумку ежедневник, ручку, баллончики, карандаши и вернулась домой.

Когда я уходила, Анни еще раз меня окликнула. Напутствовала с искренним участием:

- У вас еще все впереди, Селеста, согласны? Главное, не поддавайтесь унынию! В этом секрет успеха.

- Ладно, Анни, согласна, не буду.

Поначалу мне дали две недели отпуска, а потом продлевали его и продлевали без конца. Однако я и дома продолжала считать. На тысячу новорожденных приходится девять и две десятых процента мертвых. Половина из них - жертвы абортотв. Всего за год рождается восемьсот тысяч. Прикинем, сколько женщин, способных к деторождению, живет в нашем доме, на нашей улице, в нашем квартале, в нашем городе, в нашей стране. Заметим, глядя в окно, всех мамаш с

колясками и с детьми постарше. Как часто они проходят мимо? Во что одевают своих детей? Кормят их грудью или из бутылочки? Что мы слышим чаще: детский смех или детский плач? Какова вероятность внутриутробной смерти плода на третьей неделе беременности, на пятой, девятой, двадцать первой, тридцать восьмой? Как может малыш умереть, едва родившись?

Я составляла сложные пропорции соотношения возраста матери и этапов развития эмбриона.

Мама навещала меня каждый день. Она садилась ко мне на постель, я клала голову ей на колени и плакала. Делилась с ней своими выкладками.

– Селеста, ты же знаешь: я в математике ни бум-бум. Твои расчеты для меня – китайская грамота, – лепетала она.

Я знала, что она просто щадит меня, не признается, что все это – полный бред. Я и сама понимала, что потихоньку схожу с ума.

– Ты права, мама, китайская грамота.

Она устроилась ассистенткой логопеда на полставки, после работы мчалась за покупками, прибегала к нам, готовила ужин и дожидалась возвращения Лино.

Она не говорила мне, как другие:

– Нужно жить дальше, чем-то заняться, почаще выходить из дома.

Не говорила:

– Нельзя себя запускать: нарядись, причешись, подкрасься.

Мама просто меня поддерживала, все терпела, все принимала.

На выходные из интерната возвращалась Маргерит. Мы втроем сидели на диване: мама – справа от меня, Марго – слева. А Лино – напротив нас в огромном кожаном кресле.

Время от времени муж отлучался. Мама возводила глаза к потолку и протяжно вздыхала, давая понять, что в курсе всем известной проблемы. Я делала вид, что не понимаю ее намеков. Слушала болтовню Маргерит. Мне казалось, что она многое приукрашивает, но, вероятно, я напрасно подозревала ее во лжи. Это в моем мрачном унылом мире не происходило ничего яркого, интересного.

Сестра каждый раз умоляла, чтобы ей позволили у нас переночевать. Маму ее назойливость выводила из терпения.

- Селеста, ну пожалуйста!

- Маргерит, хватит напрашиваться, ты всем здесь мешаешь! И так уже оставалась у Селесты в прошлые выходные и в позапрошлые. Имей совесть! Ты уже взрослая, в конце концов.

- Мама, я прошу не тебя, а Селесту. Можно еще разочек, сестренка, а?

Я помнила ее маленькой. С короткими толстыми косичками. Или растрепанной. Посреди ночи она прибежала, забивалась под одеяло, дрожа приникала ко мне. Мое оледеневшее сердце вдруг таяло.

- Ладно.

Знаешь, где спала Маргерит, Мило?

В твоей комнате. В детской. После несчастья Лино содрал со стен голубые обои, скатал большой ковер со звездами, разобрал кровать с решетчатыми бортиками и вынес ее на помойку. Комната стала прежней: беленые стены, покрытый лаком паркет, зеркало над камином, дешевая репродукция в углу.

Поверишь ли, я и сейчас иногда со страхом заглядываю к тебе. А вдруг двенадцать счастливых лет мне приснились? Что, если ты не существуешь, просто мне пригрезился, потому что я окончательно спятила? Нет, слава богу, ты есть, ты лучезарно улыбаешься со всех фотографий, отражений моего веселого ненаглядного сыночка. Это твоя комната. Несомненно. Радостный кавардак.

Уже давно, с тех пор, как ты со мной, я в здравом уме и в твердой памяти. В черной ночи отчаяния нежданно вспыхнула звездочка. Зародилась жизнь, хотя наши судорожные объятия в то утро ничего не сулили.

Сначала я решила, что больна. Потом – что менопауза началась раньше времени. Но врач уверенно сказал:

– Вы уже на пятом месяце, мадам, поздравляю! И мужа от меня поздравьте.

Нам бы переехать, чтобы ты рос в совсем другой комнате, никак не связанной с мрачным прошлым. Но мы так боялись сглазить... Особенно я. Ведь вскрытие ничего не объяснило. Никакие исследования, пробы, анализы не помогли. Плацента в норме, пуповина тоже. Ни врожденных патологий, ни внешних повреждений.

Мать виновата, кто же еще?

Неужели теперь я вновь накликала беду?

Тогда я решила, что не подвергну тебя ни малейшей опасности. Спрячусь от злой судьбы, закроюсь на семь засовов. Ни за что не выйду из дома, из квартиры, из моей спальни. Даже из постели не вылезу. Гинеколог отнесся к моим причудам с пониманием.

– Лежите себе на здоровье, если вам так спокойней. Правда, риска нет ни малейшего. Несчастье не повторится!

Не повторится, как же! Беда пришла опять. Вы правы, доктор, она пришла не сразу. Вы правы, доктор, не та беда, другая. Однако снова мать виновата, кто же еще?

Ведь ты, Мило, хотел собрать для меня букет...

– Селеста! Я тебя зову-зову, а ты не слышишь...

Я вздрогнула.

Маргерит теребила меня за рукав. Вместо яркого красно-белого платья на ней были обычные джинсы и скромная синяя клетчатая рубашка. Такой красавице все к лицу.

– Мама велела прийти не раньше полудня. Она давно ушла, да? Прежде я ее встречала в холле, а сегодня – нет...

Они сменяли друг друга. Сестры думали, что бабушка и тетя приходят по очереди, чтобы мы никогда не оставались одни, без помощи. Восхищались: надо же, какая дружная семья! Семья, конечно, дружная, однако причина несколько иная. Мама, как всегда, не желала видеть младшую дочь. На этот раз – под благовидным предлогом: четкий график дежурств у постели больного.

Не понимаю, как можно постоянно третировать собственного ребенка? Когда Маргерит была маленькой, я пыталась усюветить маму. Мне было невыносимо стыдно. Меня она любила всей душой, а младшую с трудом терпела.

Мама в ответ отнекивалась, отмалчивалась, говорила, что проявляет любовь по-разному, только и всего. А если я не отставала, начинала кричать, что во всем виноват отец.

– Проклятый развод! На пепелище замка не выстроишь. Думаешь, мне легко? Никто, никто не понимает и не поймет... Не объяснишь. И стараться не стоит. Да что ты насела? Черт! Тоже мне, прокурор!

Голос у нее дрожал, пресекался. На глазах закипали слезы. Она отворачивалась.

– Селеста, пощади! Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Я не понимала сбивчивых объяснений и, в конце концов, оставила ее в покое. А сама решила: наверное, мама чувствует себя виноватой перед старшей неказистой заурядной дочкой за то, что через двенадцать лет родила младшую, красивую и талантливую. Вот и хочет восстановить справедливость. Прячет восхищение под маской неприязни, чтобы меня не обидеть. Зря мучает себя и Маргерит. Я нисколько не ревновала и не завидовала. Я всегда гордилась

сестрой, с первого дня гордилась. И никакие мы с ней не соперницы, у нас ведь огромная разница в возрасте.

Маргерит подошла поближе к постели Мило.

– Ну как он сегодня?

– Без изменений, – брюзгливо отозвался Лино.

Я-то думала, он задремал. Скорей всего, вопрос Марго его разбудил.

Сестра осунулась, под глазами синяки. Тоже всю ночь не спала. Должно быть, не закрывала ставен, стояла столбом у окна, как я, глядела в слепоглухонемое небо и беззвучно просила о милости.

Или металась по комнате, бормоча заклинания, каким научилась в Амазонской низменности во время экспедиции.

Мама вообще не ложилась. Всю ночь пила на кухне травяной отвар. Утром я увидела, как она, уронив голову на грудь, посапывает над недопитой кружкой.

Лино после полуночи спустился в гостиную, а затем, спотыкаясь, побрел через сад к сараю с велосипедами. Я не спала и все слышала.

Прошло пятнадцать лет, и он вновь глушил боль испытанным средством. К моему величайшему ужасу, все повторялось. Мне казалось, что пьянство мужа предвещало самый мрачный исход.

– Выпьем кофе, – предложила Маргерит. – Пойдем со мной, Селеста.

– Иди-иди, – кивнул Лино, разлепив припухшие веки. – Тебе нужно взбодриться.

– А ты не хочешь с нами?

- Нет, я лучше останусь. Мало ли что...

- Ладно.

Муж вымученно улыбнулся. Неужели он на что-то надеялся? Неужели верил, что все обернется к лучшему?

Нет, мы оба застыли в мучительном тягостном ожидании того, что бездна вот-вот развернется и поглотит нас... В тот раз смерть медлила до последней секунды, обманула, застигла врасплох.

Я шла следом за Марго по коридорам. Обычно сестра летела стрелой, едва касаясь земли, легкая, невесомая. Но сейчас плелась нога за ногу. Сгорбилась, уставившись в пол. Руки безвольно повисли. Устала, измучилась, пала духом.

Мы спустились вниз, миновав два лестничных пролета. Кафе располагалось в соседнем здании. Серые стены, унылые увядшие растения в горшках.

Я посмотрела на людей, сидевших за столиками. Всего несколько белых халатов, остальные – родственники и друзья больных, угрюмые, молчаливые. Сосредоточенно пьют кофе и думают о своем. Каждый сам по себе.

- Селеста, я должна сказать тебе одну вещь, – начала Маргерит.

И осеклась, осознав, что я не способна слушать и отвечать.

Над нами неприятной отчетливой дробью выплевывали секунды прямоугольные часы. Неумолимые липкие сети времени не выпускали нас, затягивались, болезненно врезаясь в мозг.

- Селеста! – опять позвала Маргерит.

Не позвала, а истошно крикнула, так что все вокруг обернулись.

- Селеста! Возьми мобильный!

Телефон, вибрируя, полз по столу, тыкался в кошелек. На экране фотка Лино. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я нажала на кнопку. Слов не разобрать. Голос мужа дрожал, заикался:

- Мило очнулся, Селеста! Очнулся, понимаешь?! Прибежала доктор Начева, они сейчас исследуют, тестируют его, поторопись! Беги сюда скорей!

Я мчалась что есть духу, не чуяла под собой ног. «Держись, Мило, держись, малыш, мама близко, мама тебя любит, мама тебе поможет, обнимет, поцелует, держись!» Налетела на санитаря с больным на каталке.

- Простите, мсье, мне так жаль!

Ничего мне не жаль, я счастлива как никогда! Порадуйтесь со мной, мсье, мой сын очнулся! Был в коме, а теперь пришел в себя!

Лино ожидал в коридоре возле реанимационного отделения. Врачи попросили его выйти, пока проведут все нужные процедуры.

Мы обнялись крепко-крепко, делиась друг с другом внутренней силой перед новым испытанием. Муж ласково погладил меня по щеке, успокоил, предупредил:

- Только не плачь, Селеста! Ты у меня такая впечатлительная, ранимая... Но сейчас держи себя в руках. Мы не знаем, в каком он состоянии. Нужно его поддержать, подбодрить. Нельзя, чтобы он почувствовал, как нам страшно и тяжело. Не подавай виду, крепись, улыбайся. Ты справишься, я в тебя верю, я с тобой. Наш сын очнулся – это самое главное! Согласна?

Подроспела Маргерит. Она бережно несла мою недопитую чашку кофе.

- Согласна, милый. Это самое главное!

Пришлось ждать целый час, а то и больше. Лино, потеряв терпение, бродил взад-вперед и вздыхал. Я сохраняла спокойствие. «Наш сын очнулся, вернулся к нам, вернулся к жизни! Остальное неважно. Можно и подождать», – думала я.

В конце концов, выглянула доктор Начева и поманила нас за собой.

Мило сидел, опершись о подушки, как-то неестественно ровно. Смотрел прямо перед собой.

Кто может понять и описать наши чувства при виде него?

Слабый мерцающий огонек чуть теплился. Блуждающий взгляд сына остановился на мне. Я едва сдержалась, чтоб не броситься к нему, не задушить в объятиях, не покрыть его поцелуями с головы до ног. Однако побоялась навредить, сделать больно, нарушить процесс выздоровления. Я всего лишь взяла его за руку, осторожно, робко. Прежде рука Мило казалась мертвой, а теперь – о чудо! – легонько сжала мою в ответ, отозвалась, ожила! Я попыталась выразить свой восторг словами, но язык заплетался, мысли путались.

– Мило, сыночек, я так тебя люблю, так люблю, – залепетала я.

Его подбородок дрогнул, сухие губы болезненно скривились, приоткрылись, сложились в подобие прежней счастливой улыбки.

Меня охватила бурная радость. Я ощутила безграничную благодарность, величайшее облегчение. Победа, полная, безоговорочная победа над судьбой! «Нет, этого ребенка ты у меня не отнимешь! Не сможешь! Пускай он слабенький, растерянный, еле дышит, но зато он жив, жив, жив и может улыбаться!»

Мне захотелось сплясать, запеть, прокричать о своем торжестве. Пусть весь мир узнает! Тут я вспомнила о тех, кто лежал без сознания в соседних боксах, об их безутешной родне. Ради них нужно сдерживаться, не выпускать наружу фонтан веселья, не хвастаться нашей удивительной редкой удачей: на этот раз мы избежали ужасной трагедии, обманули смерть! Я с трудом овладела собой.

– Ну как? – шепотом спросил Лино у доктора Начевой. – Все в порядке? Он выкарабкался? Опасность миновала?

– Поговорим об этом не здесь. Пройдемте в мой кабинет.

Мы воспарили к солнцу, нежились в облаках, достигли седьмого неба, и вдруг нас сбросили на землю, заставили пресмыкаться в пыли, глотать прах.

Доктор Начева, как всегда, подробно и тактично объяснила нам ситуацию. Мило благополучно перенес отключение от аппаратов, дыхание восстановилось полностью, речь нарушена, но это неудивительно: повреждена трахея. Он отлично понял, что находится в больнице после операции. Катетер вынули, капельницы оставили. Нужно понемногу восстанавливать двигательную функцию: садиться, приподниматься.

– Ребенок реагирует нормально, это вселяет надежду на полное выздоровление. В целом состояние удовлетворительное.

Нежимся в облаках на седьмом небе.

– Однако следует набраться терпения. Посмотрим правде в глаза: предстоит долгий нелегкий путь, кропотливая утомительная работа.

Пресмыкаемся в пыли, глотаем прах.

– Мило пока что растерян и напуган. Заговорит через сутки или двое, не раньше. Будет с трудом подбирать слова. Встанет дней через десять. Заново научится ходить. Ему многое придется осваивать заново. Для полной реабилитации, физической и психической, мы направим его в специальное учреждение на три-четыре месяца. Некоторые навыки он утратил, процесс обучения начнется буквально с нуля. Первое время вам будет казаться, что он превратился в пятилетнего. Но, повторяю, в целом состояние удовлетворительное. Основные функции восстановятся полностью. Ручаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/valeri-tong-kuong/prostish-ne-prostish/?lfrom=201227127>) на

ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Перевод Л. Лунгиной.

2

Джин Сиберг (1938–1979) – американская актриса; снималась у Жан-Люка Годара и Клода Шаброля.

3

Паралич обеих ног и рук.

Купити: <https://telnovel.com/valeri-tong-kuong/prostish-ne-prostish-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)